

ский, шведского короля с воинством под Полтавой преславно победивший» — развивала аллегорическое сравнение одного из библейских текстов на слово «камень» (т. е. Петр). Шведская армия сравнивалась в ней с «идолом Навходоносором (голова идола олицетворяла короля, руки и мышцы — шведских министров, «чрево медяно» — фельдмаршалов, генералов и офицеров, ноги железные — пехоту). Третья проповедь «Слово о победе под Полтавой» вся состояла из аллегорических сравнений.¹⁴ Карл XII сравнивался с библейским Голиафом, Навуходоносором, апокалиптическим зверем; Петр I — с орлом, библейскими Самсоном и Давидом. Нет нужды останавливаться подробно на проповедях этих проповедников.¹⁵ Говоря об исторических событиях, они искали в них «божественную волю», скрытый сокровенный смысл, вечную неизменную сущность. Проводилась характерная для Ветхого завета Библии мысль о борьбе богоизбранного народа с нечестивыми племенами. В качестве такого богоизбранного народа выступали русские. Однако проповедники убеждали, что победу одержал не русский народ и даже не Петр I, как это проповедовал Феофан, а Христос. Шведы стали врагами не потому, что захватили русские земли, а потому что они по сущности своей «нечестивые», «гордые», «яряшася и хваляшеся церковь святую поглотити». Подобные объяснения не удовлетворяли Петра I и его сподвижников. Когда в 1709 г. Феофилакт Лопатинский составил текст богослужения и успехи, одержанные на полтавском поле, объяснил в соответствии с этой традицией: «Враг наш и посмеятель силы креста низложишася, мы же победители явиемся», — Петр I приказал «песнь всю переменить». «Война не о вере, но о мере, — писал он, — також и у них крест есть. . . в употреблении и почитании».

Военная тема нашла отражение и в театральных представлениях начала XVIII в. 16 января 1703 г. в Москве силами учеников Славяно-греко-латинской академии по случаю взятия крепости Орешек была поставлена пьеса «Торжество мира преславного», авторы ее переделали ранее шедшую на этой сцене пьесу «Царство мира идолослужением прежде разоренное и проповедию апостола Петра паки восстановленное». Пьеса эта находилась в русле церковной традиции. Войну между Россией и Швецией она представляла как аллегорическую борьбу Православия и Благо-

¹⁴ Подобно знаменитой проповеди митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати», проповедь Яворского начиналась с рассказа о том, что тяжелое время — зима сменилась благоприятным летом, — бог ниспослал свою милость в победе: «. . . лютый оный зверь, король шведский, рыскаше и зняше устами своими, хотя поглотити Россию, но храбрый Самсон, наш государь царь, заградил есть уста тому льву, паче же растерза льва шведского» (Филологические записки. Воронеж, 1894, вып. I, стр. 3—4).

¹⁵ О проповеди Стефана Яворского подробно см. в кн.: Ю. Ф. Самарин и н. Сочинения, т. V. М., 1880, стр. 360.